

— Я пионер.

— Так что же?

— Пионер всегда и во всем должен быть впереди, — глаза мальчишки вспыхнули холодными огоньками. — Если не пошлете в боевую группу, пойду к самому большому командиру. Он меня поймет.

В душе комиссар тоже отлично понимал Володю Якименко. Хлебнул тот горя. Мытарствовал по немецким лагерям. Наконец, вместе с группой заключенных сбежал в лес. Долго блуждали беглецы по горным увалам, пока не наткнулись на партизанский дозор. В отряде их распределили по боевым группам, а Володю, как самого маленького, направили в гражданский лагерь. Куда с таким в бою? Тут взрослые люди порой теряются. А малец стоял на своем:

— Дайте автомат. Хочу отплатить извергам за все, что видел.

А видел он в гитлеровской неволе немало. Там с людьми обращались хуже, чем со скотом. Их держали в затхлых сырых помещениях. Кормили... Впрочем, вонючую баланду из картофельных очистков и отрубей пищей не назовешь. На утомительных переходах ослабевших, не могущих дальше идти пристреливали конвойные. За любой пустяк нещадно колотили прикладами и каблуками солдатских сапог.

— У тех гадов мне доставалось не меньше, чем взрослым, — с обидой проговорил Володя. — И никто меня маленьким не считал. А тут...

— Ладно, — не устоял перед натиском комиссар, — иди в боевую группу Михаила Левичева. Найдешь его вон за той разлапистой сосной. Доложишь, как положено. Сумеешь?

— Так точно!

— Ну, счастливо.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил паренек таким тоном, словно на иное и не рассчитывал.

Левичев принял Володю на диво охотно.

— Был у нас в полку воспитанник, — вспомнил он. — Подойдет, бывало, ко мне по всей форме: «Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?» И знаете, всегда о чем-тодельном спросит. Порой даже не верилось, что перед тобой малец. Володька его напоминает. Что ж... Теперь в группе своего воспитанника иметь будем бойцам на радость.

Володя пришелся ко двору. Тепло отнеслись к нему партизаны. Окестили «Казачком».

— Эй, Казачок! — слышалось в лесу.— Топай сюда. Я у немца давеча пистолет «позаимствовал». Давай, братец, вместе разберемся, как с ним обращаться.

Разбирались. Володя схватывал все на лету. В короткое время он освоил столько видов стрелкового оружия, что, пожалуй, иной взрослый партизан мог бы ему позавидовать.

— Казачок, давай костер разведем!

Володя охотно несся на зов.

— Казачок, помоги перевязку сделать.

И Володя помогал.

Исполнительный, трудолюбивый, он очень скоро завоевал всеобщую любовь.

— Что я говорил, — посмеивался при встречах с комиссаром командир группы Михаил Левичев, покручивая свои пышные, чуть рыжеватые усы. — Дети облагораживают наши черстевые души. Насчет боя тоже не сомневайтесь. Мы парня в обиду не дадим. Нужно будет, прикроем... Мальцу-то воевать вроде бы не с руки. Не его возраста это дело.

Только в этом отношении Левичев здорово ошибался. Да и мог ли он предвидеть, как развернутся события и какую роль в них сыграет общий любимец Казачок.

Володя же, освоившись с жизнью в лагере, стал малопомалу напрашиваться на различные задания. Как-то незаметно все привыкли к его месту в нашей лесной семье, даже время от времени его назначали в боевые наряды. Конечно, не одного, а в паре с людьми бывалыми и опытными.

Случилось однажды, напросился Казачок в боевое охранение. Людей не хватало, и его настоятельную просьбу уважили. Отправились вдвоем. Замаскировались на опушке леса, лежат, прислушиваются к отдаленным звукам.

Туман. В десятке шагов ничего не разглядишь. Вокруг тихо-тихо. Лишь снизу доносится серебряный звон лесного ручья. Даже можно мысленно представить, как струится он по обомщелым валунам, разбрзгивается маленькими водопадиками на частых перекатах.

— Не спиши, Казачок? — слышится глухой голос напарника.

— Ясное дело — нет, а что?

Разбор боевой операции.

— Меня ко сну клонит. Давай, всхрапну минут шестьсот... А ты покарауль.

— Не положено, — ледяным голосом отзыается Володя. — За сон на посту знаешь что...

— Знаю, знаю, — недовольно огрызается напарник и после короткой паузы добавляет: — Больше с тобой не пойду. Нет у тебя сожаления к товарищу.

— А у вас, товарищ боец, нет дисциплинированности, — подчеркнуто официально отвечает Володя.

Лежат молча.

Через некоторое время напарник толкает Казачка в бок:

— Ты не думай... Я просто так. Твоя доброта у меня вон где — в самом, почитай, сердце. За ленту спасибо тебе и низкий поклон.

Володя знает, о чем речь. Это случилось несколько дней тому назад. Как обычно партизаны собирались вечером у костра. Вначале шутили, пели песни. Потом как-то незаметно разговорились о прошлом. Оно у каждого свое, но все равно чем-то неуловимо похоже на прошлое товарищей по оружию... Мир. Интересная работа. Семья. Самая замечательная на свете девушка... Даже комиссар

Андрей Андреевич рассказал о себе. В школе он ходил в самых отъявленных сорванцах. Ох, доставалось же ему от классного руководителя! Потом работа в симферопольском автомотоклубе. Война. Партизанский лес. Однажды в отряд прибыла большая группа симферопольцев. Комиссар, как положено, встретил новичков, поздоровался. Стал обходить строй, расспрашивать, кто и почему в лес подался. Кто-кто, а он должен знать о каждом бойце всю подноготную. Вдруг из строя вышел пожилой человек.

— Ты, Андрюша? — спросил он.

— Как видите, — ответил комиссар. — Это вас удивляет?

— Еще бы! — схватился руками за голову новенький. — Никогда бы не подумал, что ты, такой разбойник, станешь комиссаром.

Человек шагнул к Андрею Андреевичу и по-отечески обнял его.

— Рад за тебя, дорогой друг!

Оказывается, это был классный руководитель Василий Васильевич Зайцев, которому в свое время юный сорванец Андрюшка Сермуль доставлял столько хлопот. Впоследствии молодой комиссар назначил своего учителя политруком гражданского лагеря. Работали они хорошо, понимали друг друга.

Володя часто вспоминал рассказ комиссара. Ему тоже ужасно хотелось повстречаться в партизанском лесу со своими учителями. Он бы уж обучил их владеть всеми видами нашего и немецкого оружия.

Но тогда, после рассказа Андрея Андреевича, Казачок чуть не заплакал. Не позволила гордость. Все же, как обидно сознавать, что у тебя еще совсем-совсем нет биографии, нет в жизни ни одного интересного случая, о котором можно рассказать... Тогда Володя решительно достал из-за пазухи комочек красной ткани.

— Вот, — проговорил он и запнулся, не находя слов.

— Что это? — спросил кто-то из партизан.

— Пионерский галстук, — сказал мальчик. — Я его даже во Фрицевском лагере сохранил... Больше у меня в жизни ничего нет.

— Это немало, — ласково потрепал его по всклокоченным волосам Левичев. — С гордостью носи свой галстук!

— Дайте, товарищ командир, кортик, — обратился к нему Казачок.

Он тут же разрезал пионерский галстук на тоненькие полоски и раздал их партизанам.

— Теперь, — смущенно запнулся паренек, — я сказал все.

Дальнейшее смешалось в памяти. Его тискали, целовали, сжимали до боли в пальцах тоненькую ладошку.

— Спасибо, Казачок!

— Молодчина ты, Володька... Советской крови человек!

Бойцы отряда тут же приспособили полоски красной ткани к своим ушанкам, пилоткам, бескозыркам, фуражкам. И пионерский галстук, сохраненный Володей в самых невероятных условиях фашистской неволи, словно засиял десятками отражений цвета революции, цвета самого большого на свете счастья.

И вот сейчас, в боевом охранении, это событие заново сблизило двух разных по возрасту и характерам людей.

— Не сердись, Казачок, — придинулся к нему напарник. — Я взаправду спать до смерти хочу. Только вечером вернулся с продовольственной операции, а тут — наряд...

— Тихо, — шикнул Володя. — Броде чужой звук.

Из тумана и впрямь доносился неясный шум. Порой казалось, что неподалеку позванивает металл.

Партизаны напрягли слух. Так и есть — не почутилось. Но проклятый туман мешал рассмотреть источник непонятных, совсем не лесных звуков. На всякий случай приготовились к бою.

Вскоре на опушке появилось несколько расплывчатых силуэтов. Свои или чужие? Идут слишком неуверенно. Стало быть, не обитатели леса.

— Фрицы, — безошибочно определил Володя.

На промедление не оставалось ни секунды. Партизаны открыли огонь. После первых же выстрелов из тумана донеслось несколько истошных воплей. Значит, пули достигли цели.

На минуту установилась гробовая тишина.

Ее разорвал трескучий захлеб пулеметов.

— Два, — сразу отметил напарник Казачка. — Разрывными шпаги. Держись теперь, парень!

— По приказу один из нас должен приближении противника немедленно донести обо всем командиру.

— Значит, иди докладывай.

— Нет, я стреляю лучше, — решительно ответил пионер.

нер. — Мое место тут. Я их задержу, пока вы подмогу приведете.

Напарник, хоть и был намного старше годами, возвратить ничего не мог. Ему пришлось отползти назад и, спустившись к горному ручью, стремглав бежать в лагерь, чтобы указать место встречи с противником. Иначе чего доброго, в тумане партизаны могли выйти совсем в другую точку.

Володя остался в одиночестве.

Яростно строчили вражеские пулеметы. На мальчика падали сбитые пулями листья, обломки коры. Пунктирные строчки пулевых трасс проносились над самой головой. Но Володя посыпал пулью за пулей, стараясь попадать туда, откуда мелькали вспышки вражеских выстрелов. Он вел огонь деловито, экономя по партизанскому обычью, каждый патрон. Постреляет с одного места, переползет на другое и снова даст несколько очередей. Пусть гитлеровцы думают, что перед ними целое партизанское подразделение.

Между тем отряд уже сосредоточился на флангах огневой линии карателей. Перестрелка, которую вел Володя с вражескими пулеметчиками и автоматчиками, позволила боевым группам определить расположение, выявить огневые средства противника. По приказу командира народные мстители открыли прицельный фланговый огонь.

Через несколько минут все кончилось. От карателей остались лишь трупы да трофеи.

— Молодец, Казачок! — хвалили его партизаны.

— Ты, Володя, поступил по-пионерски, — сдержанно сказал комиссар, с трудом преодолевая волнение.

Его похвала была самой высокой наградой для юного бойца отряда народных мстителей.

Этот эпизод из своей партизанской биографии и сегодня вспоминает Якименко, охотно рассказывает о нем сакским пионерам — юным гражданам города, где он ныне живет и трудится.

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ В ОГНЕ

Потерпев позорное поражение под Бешуем, противник на некоторое время прекратил боевые действия. Нас это затишье настороживало. Мы знали, что гитлеровцы